

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ГОУВПО «МАРИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

МАРИЙСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ ИМ. В.М. ВАСИЛЬЕВА

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО АРХЕОЛОГИИ ПОВОЛЖЬЯ

Выпуск 5

Йошкар-Ола
2010

А.М. Белавин, Н.Б. Крыласова, А.И. Козлов

ПРИУРАЛЬСКИЕ МАТЕРИАЛЫ В СРЕДНЕВЕКОВЫХ ДРЕВНОСТЯХ ВЕТЛУЖСКО-ВЯТСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ (комментарий этнокультурных процессов I–II тыс. н. э.)

Совокупность археологических источников, накопленных к настоящему времени, позволяет предполагать наличие определенной этнокультурной общности, существовавшей в эпоху средневековья на обширной территории от Западной Сибири на востоке до Камы на западе и от Печоры на севере до низовьев Камы на юге. Разумеется, на этой огромной территории не мог одновременно проживать единый этнос, к тому же, мы прекрасно представляем сложность и запутанность этногенетических процессов эпохи Средневековья. В пределах обозначенной территории выделяется множество локальных археологических культур, определяемых исследователями как финно-угорские, угро-самодийские, угро-тюркские. Уже даже на основании этих названий видно, что, вероятно, объединяющим моментом в этих культурах является присутствие в той или иной мере угорского этнического компонента. Именно с этим компонентом можно связывать многочисленные элементы материальной культуры, определяющие этнокультурную общность. Это и керамика, и особенности погребального обряда, и характерные элементы костюма, и разнообразные предметы культово-ритуального характера и многое другое. Мы применяем к таким элементам понятие «этномаркеров» (Е.П. Казаков использует понятие «реперы»), т. е., – это элементы культуры, основанные на определенной этнической идеологии, этнических стереотипах, имеющие смысловое содержание, понятное только в конкретной этнической среде. В силу этого данные элементы не могли распространяться посредством «влияния» или торговли, их наличие за пределами исходной территории маркирует непосредственное присутствие носителей данной культуры [Крыласова, 2007, с. 166–172; Казаков, 2003, с. 77].

В процессе анализа отдельных групп подобных угорских этномаркеров мы пришли к выводу о наличии довольно представительной их совокупности в материалах Ветлужско-Вятского междуречья. Опыт составления карт распространения угорских этномаркеров

Белавин А.М., Крыласова Н.Б., Козлов А.И.

показывает, что почти по всем категориям предметов наблюдается их концентрация в районе Среднего Предуралья (современная Удмуртия и Пермский край) – ломоватовская, неволинская и поломская культуры, на территории современной Башкирии – кушнарниковская и караякуповская культуры, Татарстана – главным образом, раннебулгарские могильники, в Зауралье и Приобье. Особым центром распространения таких вещей является и территория современной Республики Марий Эл [напр. Крыласова, 2007, рис. 65, 70, 72, 75].

Заметим, что присутствие угорских комплексов материальной культуры в Верхнем Поволжье (в том числе в древней мерянско-марийской культуре) еще более 40 лет назад было отмечено Е.И. Горюновой (Горюнова, 1961). Она отмечает устойчивую и тесную связь Верхнего Поволжья с Предуральем (Прикамьем) на протяжении почти двух тысяч лет, начиная с ананьинской культуры, которую, вслед за известным лингвистом В.В. Гудковой-Сенкевич, считает оставленной двухкомпонентным этносом – носителем пермского и угорского языков [Горюнова, 1961, с. 16, 22–27]. Для средневекового Предуралья (Прикамья), вещи из которого отмечались ею в средневековых культурах Верхнего Поволжья, Е.И. Горюнова видела «угорскую подоснову» [Горюнова, 1961, с. 33–34]. Связи и возможное переселение носителей угорской культуры из Предуралья, по ее мнению, стали причиной культурной однородности населения Западного Поволжья, которая «как нам представляется, явилась следствием длительных сношений с племенами уральской культурной области» [Горюнова, 1961, с. 36], и, даже, «кровнородственной общности» с племенами Предуралья [Горюнова, 1961, с. 132, 138]. Однако, как замечает Е.И. Горюнова, «Угорская» теория происхождения народностей Поволжья не была удостоена даже научной критики. Она попросту была забыта» [Горюнова, 1961, с. 40]. Эти слова справедливы и по сию пору.

На наш взгляд, среди средневековых угорских материалов из Марийского Поволжья в первую очередь выделяется керамическая посуда (рис. 1). К собственно древнемарийским древностям исследователи относят плоскодонную горшковидную за единичными исключениями неорнаментированную посуду из глины с примесью крупнотолченого шамота и дресвы [Никитина, 1999, с. 190]. Вместе с тем, еще В.Ф. Генинг отмечал, что в I тыс. н. э. в среднем течении р. Вятка и ее правых притоков – рек Пижмы, Ярань и др. появилась

керамика с решетчато-шнуровой орнаментацией, находящая аналогии в поломской культуре. Исследователь связывал ее распространение с приходом группы нижнеобско-зауральского населения [Генинг, 1967, с. 275].

Позже Г.А. Архипов предлагал выделить памятники Ветлужско-Вятского междуречья типа Еманаевского городища в самостоятельную группу, находящуюся в «зоне замедленного развития этнообразующих факторов». По его мнению, в VI–VIII вв. этот регион оказался в этническом отношении еще не определившимся, и памятники типа Концовского могильника и Еманаевского городища нельзя считать праудмуртскими, так же, как и исключительно древнемарийскими [Архипов, 1988, с. 76–78; 1991, с. 17]. В материалах VIII–IX вв. наряду с преобладающей плоскодонной керамикой Г.А. Архипов выделял круглодонные сосуды с решетчато-шнуровой орнаментацией, находящие аналогии в поломско-чепецких материалах [Архипов, 1985, с. 22–23]. С точки зрения В.А. Семенова, группы поломского населения приняли непосредственное участие в формировании населения Средней Вятки [Семенов, 1989, с. 31]. Он подчеркивал, что в VIII – начале IX вв. поломское население начало постепенно расселяться на запад и юго-запад. С этого времени поломская керамика фиксируется на городищах бассейна р. Прижма, а со второй половины IX в. группы поломского населения достигли среднего течения р. Волги. Мелкие группы уходят далеко на запад вплоть до р. Шексны [Семенов, 1989, с. 31]. В.А. Семенов, как и В.Ф. Генинг, не сомневался в том, что решетчато-шнуровая орнаментация была воспринята населением бассейна р. Чепцы от их восточных соседей – угров [Семенов, 1980, с. 67].

Ижевскими археологами (Н.А. Лещинская, Р.Д. Голдина) памятники VI–IX вв. бассейна р. Вятки с ее многочисленными право- и левобережными притоками, а также верховья рек Б. и М. Кокшаги и верховья р. Ветлуги были выделены в еманаевскую культуру, для которой характерна керамика, родственная поломско-ломоватовской: сосуды с округлым или уплощенным дном, примесью в тесте толченой раковины, шамота, растительности и песка, присутствием в орнаментации сочетания насечек, вдавлений, оттисков гребенки и шнура. Наиболее распространенный мотив орнамента – комбинация из подтреугольных вдавлений, иногда в сочетании с оттисками шнура. Гребенчатый штамп использовался реже, преимущественно

с середины I тыс. н. э., а решетчато-шнуровая орнаментация – с середины VIII в. [Лещинская, 2002, с. 46–47, 49]. В IX веке еманаевскую культуру сменила кочергинская. Материалы этих средневековых культур Вятско-Ветлужского междуречья, по мнению Н.А. Лещинской, отражают формирование в крае древнеудмуртской общности в ее западном варианте. Лишь с конца I тыс. н. э. начался процесс вытеснения этого населения из юго-западных районов Вятского бассейна. Еще В.Ф. Генинг указывал, что керамика с решетчатым орнаментом полностью исчезла в XI – начале XII вв. [Генинг, 1967, с. 275]. Но собственно марийские могильники, по мнению Н.А. Лещинской, в Вятском бассейне появились лишь в конце XVI в. [Лещинская, 2002, с. 52].

Таким образом, присутствие в Ветлужско-Вятском междуречье прикамско-предуральских материалов, в частности керамики, связывалось исследователями исключительно с поломским населением. Однако уже давно, в первую очередь, Е.П. Казаковым разрабатывается вопрос о связи круглодонной чашевидной посуды с раковинным тестом и характерной орнаментацией с присутствием многорядного шнура, распространенной к западу от Уральских гор, с угорским этносом (Казаков, 1987, 1989, 1994, 1994а и др.). В.Н. Чернецов еще в 1957 г. высказал точку зрения о принадлежности посуды со шнуровой орнаментацией протомансийским племенам [Чернецов, 1957, с. 180].

В.Д. Викторова обратила внимание на то, что кроме присутствия многорядного шнура в орнаментации подобной посуды, для нее также свойственно наличие узора в виде округлых незамкнутых петель – т. н. «подковок». Истоки подобной орнаментации она усматривает в лесном Зауралье и считает шнуровую орнаментацию и «подковки» характерными для посуды угров [Викторова, 2008, с. 111–125]. Действительно, дополнение шнуровой орнаментации различными узорами из оттисков гребенки, решетчатых штампов, кружков и пр. имеет локальный характер. Но во всех культурах с подобной керамикой в той или иной степени встречаются сосуды с орнаментацией в виде многорядного шнура по шейке в сочетании с узором из «подковок» по плечу. В частности, в материалах Ветлужско-Вятского междуречья (отдельные погребения Дубовского, Кочергинского, Нижняя Стрелка, Веселовского и других могильников) наблюдаются подобные сосуды (рис. 1, 2–4).

Кроме керамики в материалах Ветлужско-Вятского междуречья выделяется серия вещей предуральского происхождения. Т.Б. Никитина относит к ним получившие наибольшее распространение в Прикамье и на Чепце височные подвески с гроздьевидными или каплевидными привесками (24 экз.), арочные подвески с чеканным или прорезным рисунком и шумящими привесками на цепочках (26 экз., рис. 2, 1–7), которые использовались как женские височные и нагрудные украшения, литые двуглавые коньковые подвески, найденные в 10 погребениях (рис. 2, 8–13), пластинчатые подвески – всадники (рис. 3, 9–13), стальные огнива с бронзовой рукоятью [Никитина, 1999, с. 198–199; 2002, с. 102, 148–149].

Обратим особое внимание на украшения. Т.Б. Никитиной детально разработана тема древнемарийского костюма, и по результатам ее исследования четко видно, что украшения предуральского происхождения обычно не находят своего места в этом костюме. Например, для древних марийцев характерны браслетообразные височные подвески. Но в IX–XI вв. в ряде могильников появились височные подвески/серьги, которые, как показали наши исследования, наиболее характерны для Среднего Предуралья (Удмуртия и Пермский край): калачевидные и круглопроволочные подтреугольные, которых, по данным Т.Б. Никитиной, в марийских могильниках встречено более 80 экземпляров [Никитина, 2002, с. 99]. Как отмечает исследовательница, специфических для древних марийцев серег не выявлено, а указанные предуральские к XII–XIII вв. вышли из употребления [Никитина, 2002, с. 101].

В материалах Ветлужско-Вятского междуречья есть также довольно представительная серия шумящих подвесок «прикамского типа»: арочные и биконьковые, которые обычно использовались в качестве украшений кос, но у древних марийцев бытовали совершенно иные наконечники [Никитина, 2002, с. 96–97].

Особо следует остановиться на категории шумящих подвесок, которые принято называть «умбоновидными». Они имеют основу из одного крупного или нескольких маленьких умбонов, покрытых концентрическими кольцами или спиральным орнаментом. Подвески с одним умбоном в основе в Пермском Предуралье преимущественно использовались для украшения женских поясных сумочек, а подвески с основой из нескольких умбонов, наряду с арочными и биконьковыми, часто применялись в качестве наконечников. Ранее

предполагалось, что умбоновидные подвески проникли в Прикамье из Марийского Поволжья [Оборин, 1970, с. 22–23]. Однако их массовое распространение, присутствие в погребальных комплексах к IX – первой половине XI вв. почти всех могильников Пермского Предуралья, а главное, снабжение этих подвесок типичными для Прикамья привесками в виде лапок водоплавающих птиц, свидетельствует об их зарождении в ломоватовской культуре.

Украшения приуральского происхождения не оказали значительного влияния на древнемарийский этнографический (традиционный) костюм. Вероятнее всего, указанные украшения использовались исключительно неассимилированными выходцами из Среднего Предуралья.

К числу прикамских вещей, кроме уже упомянутых, могут быть отнесены наборные пояса с металлическими накладками и кошельками, скрепленными по краям металлическими обоймами (рис. 3, 16–21), подвески в виде птицы с личиной на груди (рис. 3, 14–15), копоушки с пластинчатой рукоятью, деревянные ножны с кольцевидными металлическими обоймами. По поводу поясных кошелев и сумочек хотелось бы отметить, что территория Ветлужско-Вятского междуречья наряду со Средним Предуральем и Волжской Булгарией относится к числу мест наибольшего распространения подобных вещей, а за пределами России поясные кошельки наиболее характерны для венгров. Причем именно в Ветлужско-Вятском междуречье в Веселовском могильнике найдена лицевая пластина кошелька (рис. 3, 16), абсолютно аналогичная венгерским, – это единичная находка в нашей стране. Кроме того, в Дубовском могильнике встречена женская поясная сумочка (рис. 3, 21), аналогичная выявленным на Рождественском могильнике в Пермском крае [Белавин, Крыласова, 2008, с. 346–347, рис. 176].

Следует отметить, что в целом типичные предуральские вещи, в Ветлужско-Вятском междуречье имели свои этнографические особенности. Например, основы арочных и биконьковых подвесок не выбиваются из единого типологического ряда, но они снабжались более длинными цепочками, завершающимися совершенно не характерными привесками. Особые черты имеют некоторые типы рукоятей биметаллических кресал. Это может быть свидетельством того, что выходцы из Предуралья, жившие в Ветлужско-Вятском междуречье, самостоятельно обеспечивали себя необходимыми

вещами, в облик которых начали вноситься некоторые изменения, возникшие, возможно, под влиянием местных жителей – древних предков марийцев. Угры – пришельцы, обитавшие группами в приустьевой части и верховьях Ветлуги, верховьях и среднем течении Пижмы (будущая территория луговых мари), испытывали культурную трансформацию под влиянием волжских финнов.

Мы полагаем, наличие в Ветлужско-Вятском междуречье представительного комплекса угорских этномаркеров является свидетельством переселения на эту территорию определенной группы (групп) выходцев из Среднего Предуралья. Их первое продвижение сюда произошло примерно тогда, когда наблюдается массовое переселение тех же носителей полумской, ломоватовской и неволинской культур на территорию будущей Волжской Булгарии, где они сыграли определенную роль в этногенезе волжских булгар. Но наиболее массовый материал прикамско-приуральского облика распространяется здесь в конце IX–XI веков. Причины появления угорских групп в Волго-Вятском (Вятско-Ветлужском) междуречье в этот период обусловлены, возможно, той политической и экономической ситуацией, возникшей в Поволжье и Предуралье в связи с появлением Волжской Булгарии и бурным развитием Великого Волжского пути (вкуче с Камским торговым путем), ставшего одним из основных торговых путей Восточной Европы, контролируемых булгарами. Предуральско-прикамские угры – племена полумско-ломоватовской общности (или культуры) выступают в это время в роли важнейших сателлитов Булгарии в области торговли, освоения новых территорий, экологической и этнокультурной адаптации к новым условиям расселения.

На наш взгляд, фиксация в пределах определенной территории факта присутствия населения, иноэтничного по отношению к местному, не является основанием для выделения здесь особой археологической культуры. В данном случае мы имеем дело с присутствующими на территории Ветлужско-Вятского междуречья археологическими материалами, принадлежащими к полумско-ломоватовским угорским древностям. Следует отметить, что угорские материалы представлены в той или иной степени на ряде могильников, где одновременно присутствуют и материалы, характерные для местных поволжских финнов. Это может свидетельствовать о совместном и, вероятно, относительно мирном проживании

пришельцев и местных жителей. Если попробовать применить к средневековым материалам Марийского Поволжья современные методы статистической обработки, позволяющие выделять в общем массиве погребения, принадлежащие к иным культурам, это вероятнее всего покажет, что в древнемарийских могильниках присутствуют отдельные погребения или группы погребений, характерные для полумской и ломоватовской культур. Поскольку исследователи марийских памятников нигде не приводят статистики соотношения предметов Предуральского и Волжского происхождения, рассчитать количество погребений выходцев из Предуралья и местных волжских финнов не представляется возможным. По нашему мнению, их может быть в пределах четверти или трети. Как нам кажется, приведенные в статье археологические материалы, являющиеся угорскими этномаркерами, убедительно свидетельствуют о пребывании в Марийском Поволжье какой-либо угорской группы из Предуралья.

Достаточно яркое подтверждение присутствия каких-либо угорских групп в период раннего Средневековья (возможно, и в раннем железном веке) на территории, связанной с этногенезом марийского народа, дает топонимия. В целом топонимия волжского правобережья и левобережья от Ярославля и Костромы, до Чебоксар и Йошкар-Олы содержит массу названий, которые своим происхождением могут быть связаны с языками угорской ветви уральской языковой семьи. Это отмечалось еще в работах Д. Европеуса [Европеус, 1868] и П.Д. Шестакова [Шестаков, 1873], которые утверждали, что масса географических названий, встречающихся в Ярославском и Костромском Поволжье и на территории Ростово-Суздальской земли, угорского происхождения, и может быть объяснена на основе современных языков обских хантов, манси и венгерского языка. Идеи Д. Европеуса позже были высмеяны М. Фасмером, а в наши дни В.В. Напольских [Напольских, 2007, 2002, 2001]. Однако авторитетный специалист А. Каннисто в 1927 г. составил список угорских топонимов, который охватывает ареал от Камы до Марийского Поволжья.

Позднее и эта точка зрения была критически рассмотрена рядом авторов, большая часть названий получила финскую, славянскую, балтскую трактовку, однако никто из топонимастов (кроме В.В. Напольских) не отрицает присутствия в топонимике Верхнего Поволжья угорского субстрата. Так, например, И.С. Галкин указывает, что

на территории Республики Марий Эл имеются угорские (в основе своей мансийские) топонимы [Галкин, 2004, с. 118].

Безусловно, нельзя объяснять угорскую топонимику Поволжья, опираясь исключительно на современный язык манси или хантов, однако, как на это указывает А.К. Матвеев [Матвеев, 1961, с. 135], резонно допустить существование некоего древнего угорского (еще не обского) языка и видеть в ряде топонимов его следы. Это особенно хорошо работает, когда топонимику накладывается на материальные (археологические) свидетельства пребывания на данной территории некоего угорского этнического субстрата (группы). Следует также иметь в виду, что, говоря о древних этносах, археология чаще всего имеет в виду не их конкретную языковую принадлежность, а этнокультурную характеристику. Именно это позволяет говорить о «славянских», «иранских» и прочих культурах. Язык при этом может играть роль этномаркера низшего порядка, а может и не звучать как этноопределитель вовсе. Однако следы угорских языков, характеризующие охоту, разные отрасли домашнего животноводства, ткачество, иные виды хозяйственных занятий, представления о природе и обществе (как считает И.С. Галкин – мансийского, хантыйского и венгерского) составляют более 300 слов из общего словарного фонда марийской лексики [Галкин, 2004, с. 115–116]. Безусловно, их присутствие в современном марийском языке указывает на длительное совместное проживание на одной территории предков марийцев и древних угров и ведение ими совместного хозяйства.

Угорский компонент, активно участвовавший в процессе складывания древнемарийского этноса, к XII столетию утратил свою этнографическую и, вероятно, языковую идентичность. Однако его следы по сию пору фиксируются в генетике части марийского народа.

Гипотезе о наличии древних достаточно устойчивых связей между марийцами и уграми не противоречат и данные классической и молекулярной генетики. Наиболее ярко выражено генетическое своеобразие луговых мари, сближающихся по комплексу характеристик с манси и хантами, и довольно резко отличающихся от соседних восточно-финских народов (табл.).

Средние популяционные значения генетических показателей в финно-угорских популяциях*

Этническая группа	Частота аллеля ароЕ4	Частота генотипа С/С LCT	Частота групп крови	
			аллель q	В : А
Финны	0,19	0,17	0,11	0,32
Эстонцы	0,12	0,28	0,18	0,73
Мордва	0,10	0,52	0,20	0,89
Мари горные	0,15	0,79	0,23	1,01
Мари луговые	0,24	0,83	0,25	1,45
Удмурты	0,16	0,59	0,22	1,10
Коми-пермяки	0,14	0,50	0,20	1,00
Коми	0,13	–	0,17	0,74
Манси северные	0,21	0,72	0,27	1,60
Ханты северные	0,21	0,71	0,28	2,24

* При построении таблицы использованы данные публикаций: Козлов и др., 2008; Суворов и др., 2008, неопубликованные материалы Е.Д. Саниной и А.И. Козлова

Распределение групп крови в популяциях волжских и пермских финнов в целом отвечает общим закономерностям изменчивости признаков системы АВО на территории Евразии: с запада на восток нарастает доля носителей фенотипа В (III). Марийцы (в особенности луговые) явно выбиваются из стройной картины клинального распределения групп крови у европейских народов. Результаты анализа частот групп крови в выборке из 4569 индивидов Волго-Уральского региона и Приобья показывают, что у луговых мари наблюдается очень высокая, по «европеоидному масштабу», концентрация носителей III (В) группы, приближающаяся к характерной для северных манси.

У горных и луговых мари обнаружена самая высокая в Европе доля носителей генотипа С/С гена лактазы LCT: она составляет соответственно 79 и 83 %. Такой концентрации частоты генотипа С/С достигают только у манси и хантов, тогда как географически близкие к марийцам популяции Центрального Поволжья и Приуралья характеризуются меньшими долями носителей древнего аллеля С

[Козлов и др., 2008]. Своеобразие марийцев в этом отношении хорошо видно на генетической карте Европы (рис. 4). Также чрезвычайно высока у горных и луговых мари доля носителей аллеля ароЕ4 гена АРОЕ (соответственно 15 и 24 %). В большинстве популяций Европы частота носителей этого аллеля не превышает 15 %, но у обских угров она равна 21 %.

Подчеркнем, что группы крови – признак, мало подверженный действию отбора, тогда как гены LCT и АРОЕ являются селективно важными. Ген LCT обуславливает специфику усвоения взрослым человеком цельного молока (носители варианта С/С не вырабатывают необходимый для этого фермент), а АРОЕ – особенности утилизации пищевых жиров (значительная часть марийской популяции сохранила древнюю способность к очень быстрому связыванию поступающих с пищей жиров). Сходство марийцев с хантами и манси по одним лишь частотам групп крови не представляет особой важности, этот признак характеризуется мозаичным распределением, и вне связи с другими характеристиками мало информативен [Балановская, Балановский, 2007]. Сходство популяций марийцев и обских угров только по частотам аллелей генов LCT и АРОЕ можно было бы отнести на счет возможной близости древних типов питания. Но вот сходство всего комплекса признаков, представленных в таблице, мы считаем серьезным аргументом в пользу изложенной в нашей статье гипотезы.

Судьба европейской части уральской угорской ойкумены разнообразна: древние мадьяры к 895–896 гг. обрели новую Родину в Паннонии, часть угров южного Предуралья к XIII–XIV вв. была ассимилирована булгарами, часть вошла в состав башкирского народа, угры Среднего и Северного Предуралья большей частью к XIII в. были вытеснены финнами и древнерусскими колонистами за Урал и сыграли свою роль в этногенезе хантов и манси. Угры Вятско-Ветлужского междуречья, ассимилировавшись по языку и материальной культуре к XII в., сохранили свое своеобразие в генотипе, и составили одну из исторических основ современных марийцев. Осознание данной ситуации без оглядки на современные этнополитические разногласия позволяет по-новому оценить исторические процессы эпохи Средневековья в Урало-Поволжском регионе.

ЛИТЕРАТУРА

- Архипов Г.А. Основные этапы этногенеза марийцев // Древние этнические процессы Волго-Камья: АЭМК. Йошкар-Ола, 1985. Вып. 9.
- Архипов Г.А. Проблемы ранней этнической истории марийцев // Этногенез и этническая история марийцев: АЭМК. Йошкар-Ола, 1988. Вып. 14.
- Балановская Е.В., Балановский О.П. Русский генофонд на Русской равнине. М., 2007.
- Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Древняя Афула: археологический комплекс у с. Рождественское. Пермь, 2008.
- Викторова В.Д. Древние угры в лесах Урала. Екатеринбург, 2008.
- Галкин И.С. Марийско-угорские лексические параллели в связи с происхождением марийского народа // Формирование, историческое взаимодействие и культурные связи финно-угорских народов: материалы III Междунар. ист. конгр. финно-угроведов. Йошкар-Ола, 2004.
- Генинг В.Ф. Этногенез удмуртов по данным археологии // Вопросы финно-угорского языкознания. Ижевск, 1967. Вып. IV.
- Горюнова Е.И. Этническая история Волго-Окского междуречья // МИА. М., 1961. № 94.
- Европеус Д. К вопросу о народах, обитавших в средней и северной России до прибытия славян // ЖМНП. М., 1868. Ч. СXXXIX.
- Казаков Е.П. О происхождении и культурной принадлежности средневековых прикамских памятников с гребенчато-шнуровой керамикой // Проблемы средневековой археологии Урала и Поволжья. Уфа, 1987.
- Казаков Е.П. О поломской керамике Волго-Камья // Новые исследования по этногенезу удмуртов. Ижевск, 1989.
- Казаков Е.П. К проблеме происхождения керамических комплексов финнов и угров Урало-Прикамья // История и культура Волго-Вятского края (к 90-летию Вятской ученой архивной комиссии). Киров, 1994.
- Казаков Е.П. Об этнокультурных истоках круглодонной керамики средневековых памятников Волго-Камья // Проблемы средневековой археологии волжских финнов. Йошкар-Ола, 1994а.
- Казаков Е.П. Этапы археологического исследования средневековых угров Урало-Поволжья // Угры: материалы VI Сибирского симпозиума «Культурное наследие угорских народов Западной Сибири» (9–11 дек. 2003 г.). Тобольск, 2003.
- Козлов А.И., Боринская С.А., Санина Е.Д., Лисицын Д.В., Вершубская Г.Г. Отражается ли характер традиционного питания пермских и волжских финнов в их генофонде? // Тр. Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. 5. Университет и историко-культурное наследие региона. Пермь, 2008.
- Крыласова Н.Б. Маркирующие элементы материальной культуры угров эпохи средневековья // Пермские финны: археологические культуры и этносы. Сыктывкар, 2007.
- Лецинская Н.А. К вопросу об этнической специфике памятников вятского бассейна I – начала II тыс. н. э. // Социально-исторические и методологические проблемы древней истории Прикамья. Ижевск, 2002.

Матвеев А.К. Древнеуральская топонимика и ее происхождение // Вопросы археологии Урала. Свердловск, 1961. Вып. 1.

Напольских В.В. «Угро-самодийцы» в Восточной Европе // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск, 2001. № 1 (5).

Напольских В.В. Пермско-угорские взаимоотношения по данным языка и проблема границ угорского участия в этнической истории Предуралья // XVII Уральское археологическое совещание. Екатеринбург; Сургут, 2007.

Напольских В.В. «Угро-самодийская» топонимика в Прикамье: заблуждение и реальность // Древнетюркский мир: история и традиции. Казань, 2002.

Никитина Т.Б. Мари // Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века. Ижевск, 1999.

Никитина Т.Б. Марийцы в эпоху средневековья. Йошкар-Ола, 2002.

Семенов В.А. Варнинский могильник // Новый памятник поломской культуры. Ижевск, 1980.

Семенов В.А. Этнокультурные компоненты поломской культуры // Новые исследования по этногенезу удмуртов. Ижевск, 1989.

Суворов А.В., Никитин Е.Н., Пенкина Г.Г. Эритроцитарные антигены: полиморфизм и этнические особенности // Здоровье, демография, экология финно-угорских народов. 2008.

Чернецов В.Н. Нижнее Приобье в I тыс. н. э. // МИА. М, 1957. № 58.

Шестаков П.Д. Родственна ли мера вогулам? // Известия Казанского университета. Казань, 1873. № 1 (январь-февраль).

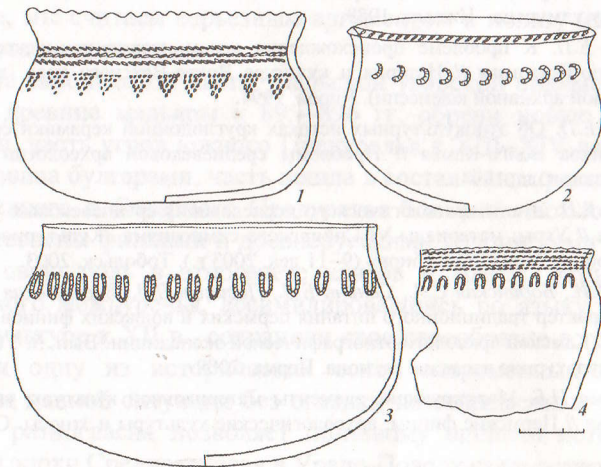

Рис. 1. Керамика:

1–2 – Дубовский; 3 – п. 2 Кочергинского; 4 – п. 5 могильника Нижняя Стрелка

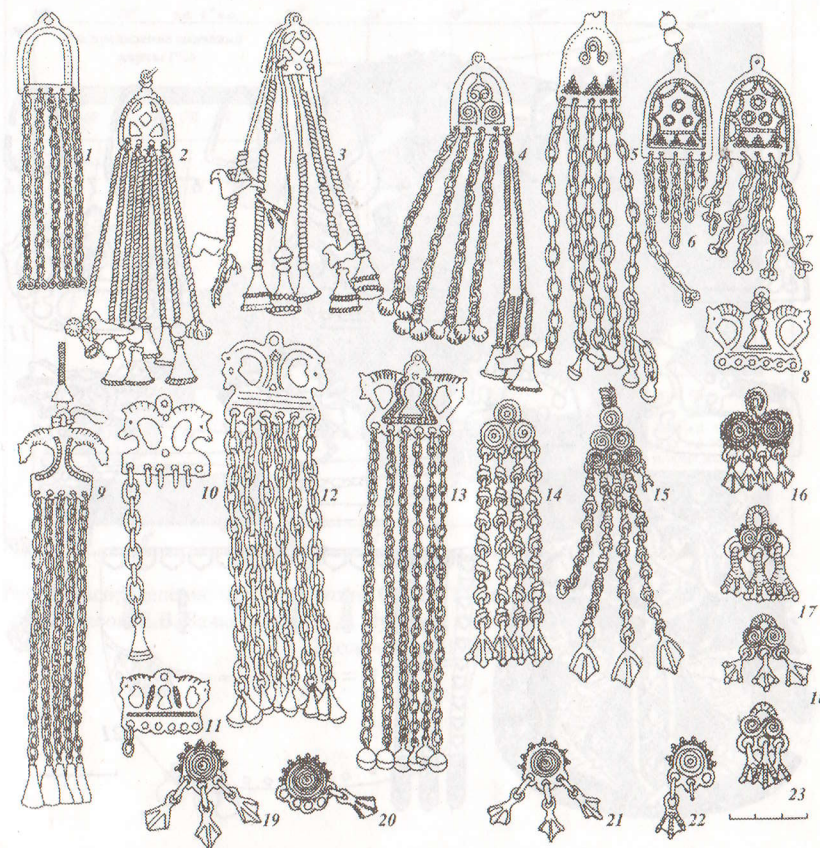

Рис. 2. Шумящие подвески «прикамского типа»:

1–7 – арочные; 8–13 – биконьковые; 14–23 – умбоновидные.

1 – п. 14 Веселовского (2 экз.); 2, 4 – п. 4 Веселовского; 3 – п. 1 Кочергинского; 5 – п. 71 Дубовского; 6–7, 10, 17–18, 20–22 – Нижняя стрелка; 8 – п. 58 Дубовского; 9 – п. 3 Веселовского; 11 – Веселовский; 12 – п. 74 Дубовского; 13 – п. XI Черемисское кладбище; 14 – п. 3 Веселовского; 15 – Выжумский II; 16 – п. 52 Дубовского; 19 – Ижевское городище; 23 – п. 16 Руткинского могильника

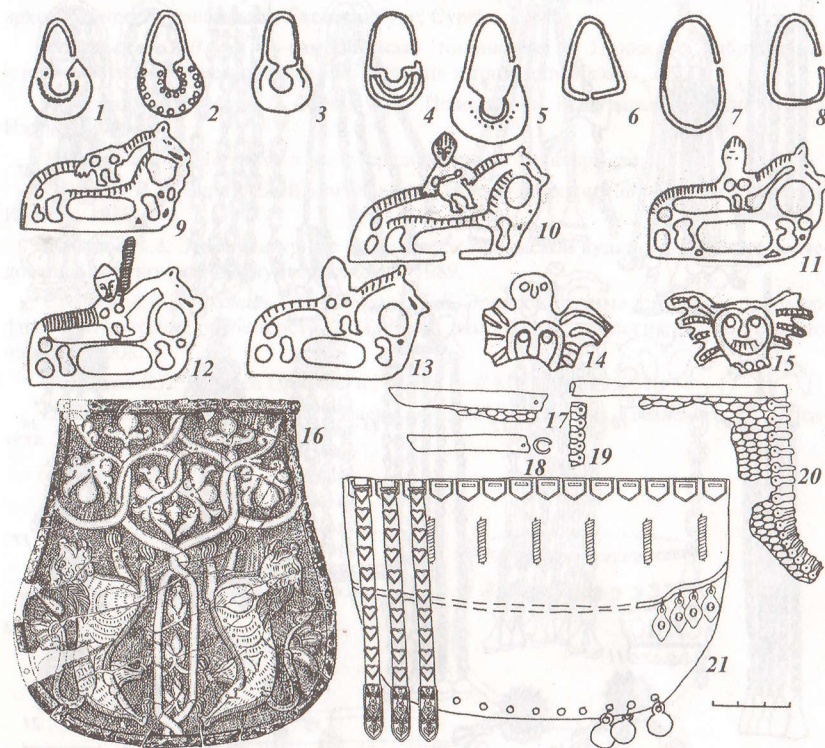

Рис. 3. Калачевидные височные подвески/серьги – 1–5, проволочные подтреугольные височные подвески/серьги – 6–8, подвески-всадники – 9–13, фрагменты птицевидных подвесок с личиной на груди – 14–15, фрагменты поясных кошельков и сумочки – 16–21. 1–2, 6 – Нижняя стрелка; 3–5, 7–8, 10, 17–21 – Дубовский; 9 – п. 46 Дубовского; 11 – п. 8 Веселовского; 12 – п. 27 Нижняя стрелка; 13 – п. 56 Дубовского; 14 – п. 58 Дубовского; 15–16 – Веселовский могильник

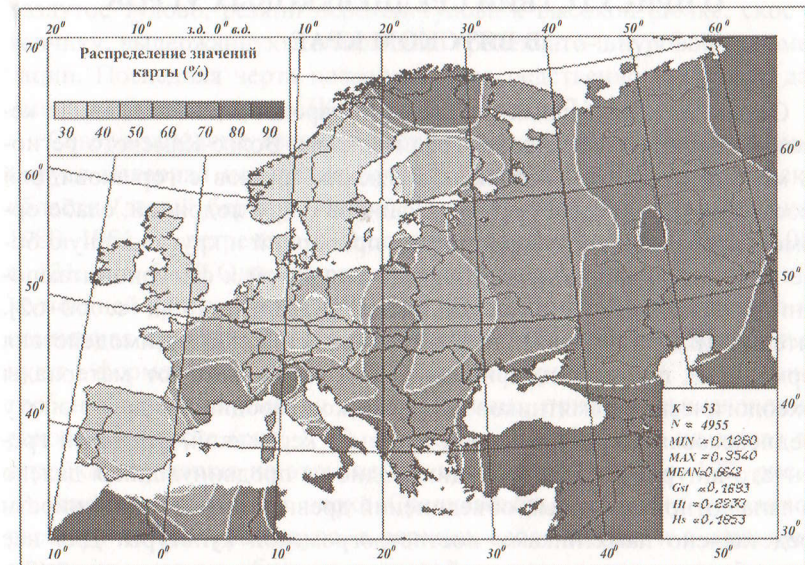

Рис. 4. Распределение частот генотипа C/C LCT в населении Европы. Составители: А.И. Козлов, Е.В. Балановская, С.Д. Нурбаев, О.П. Балановский, 1996. Источник: Козлов и др., 1998